

Ирина Тихонина

**ПРИЧАСТИЯ
НЕСОВЕРШЕННОГО
ВИДА**

18+

Ирина Тихонина

Причастия

несовершенного вида

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=43652288

SelfPub; 2019

Аннотация

Особенностью авторского стиля Ирины Тихониной является видимость его отсутствия. Разнообразие художественных форм и технических подходов, диаметрально противоположная тональность произведений и разная (казалось бы) целевая аудитория – во многом характерны и для данного сборника. Однако открытый для экспериментов с восприятием читатель обязательно найдет общие идеи и образы, которые объединяют представленные стихотворения. И эта находка позволит в дальнейшем распознать стиль автора в самых разных его проявлениях.

Содержание

Гиацинты	4
Твоя последняя зима	6
Лангольеры	7
От заката	9
Конец ознакомительного фрагмента.	10

Гиацинты

1

Добрый вечер! Пишу из зябкого Петрограда.
В эту осень – собачий холод и мокрый снег;
Шквальный ветер, ломая рамы, летит на запад –
Обрусевший печальный запад. Вчера во сне
Мне явилась весна в Тулузе – в девичьих шляпках,
Ярких брызгах фонтанов, парков ночной тиши...
Положение дел, как прежде, довольно шатко:
Закрывают музей – не знаю, чем буду жить.

2

Милый Герман! В Таежном Стане застало утро:
Добираюсь в забытый Богом Новосибирск.
Тут зима и сугробы в рост, а в окошке мутном –
Только лапа продрогшей ели да вьюги визг.
Вот дождемся погоды сносной и двинем дальше.
А пока я читаю Рильке, глаза прикрыв;
Мой товарищ строгаёт ложки хозяйке Глаше.
Мужа Глаши убили немцы, а сына – тиф.

3

Добрый день! А у нас апрель и морозы тридцать,
В прошлый вторник по пояс улицы замело –
Тут весна в меховых тулупах и рукавицах.
Как погода во Франции? Верно, уже тепло?
Я устроилась мыть полы в «Комсомольский вестник»,
Иногда помогаю в номер писать статьи;
Провожу на заказ уроки: гобой, немецкий.
Дали комнату в старом доме на две семьи.

4

Как на сердце легко от весточки долгожданной!
Написала сестра – намедни была у Вас
На могиле: опять носила свои тюльпаны
И мои гиацинты в цвет драгоценных глаз.
Говорит, что дожди в Тулузе идут неделю,
И на кладбище грязь и лужи, а сторож спит,
Что на поезд обратный с мужем едва успели,
Что в Берлине гораздо чище и лучше вид.
А по мне, так не сыщешь лучше и чище вида,
Чем у Вашей умытой маем седой плиты.
Я надеюсь, что Вам понравились гиацинты...
Я надеюсь, Вы там надежно в земле укрыты
От гасконской с небес летящей святой воды.

Твоя последняя зима

Твоя последняя зима обнимет ласковым морозом, прошепчет коду нежной лжи, уткнувшись в ухо языком. Толкая в горло липкий ком, боишься не сойти с ума – шизофрения под вопросом, но ты надеешься дожить.

Твоя последняя зима снежинками коснется пальцев, растает траурным цветком на обескровленных губах. Глотаешь бесполезный страх, устав ее запоминать: в застывшем воздухе «без шансов» звучит как «умирать легко».

Подставив щеки облакам, колючих ловишь светлячков.

Твоя последняя зима укроет бережно останки, рассыпав грозди алых звезд вдоль русел пересохших вен, на стеклах скорой замерев хрустальной паутиной льда.

Весна облизнет города, впиваясь в улицы и парки звенящей поцелуйной влагой – из полумрака в жадный рот!

Она идет, уже идет!

Лангольеры

Подкроватные монстры залезли в долги перед банком.
Подкроватное море лишилось воды и пиратов —
По субботам штормит: девять баллов как мера спиртного.
А с кроватью все ровно от реек до скреп изголовья:
Есть квартира, работа, отличный пожизненный план.
Но момент перелома всегда происходит. Как будто
Лангольеры, пришедшие в мир за прокисшим вчера,
Попадают в твое настоящее сонное утро:

Ты не чувствуешь вкуса овсянки и звона посуды.
Зубы-буры впиваются в грудь. Переулки, маршрутки,
Душный офис. Бездушные будни. Бесшумный компьютер.
До обеда. До чая. До дома. До признаков сна.
И по сотому кругу.

Кто-то постит статьи об апатии и выгорании;
Кто-то ставит по вене, на красное, ногу за край.
Ты звонишь своей матери: «Кстати, люблю тебя, ма», —
Помогаешь приятелю, гладишь в приюте кота...
Твари все еще там, за кроватью, но боль отступает.

О героях простого прошедшего эпос не сложат:
Пыль на пальцах эпох. Но в контракте заявлено но —

Каждый раз ты становишься чем-то существенно
большим,

Выбирая вставать и держаться кроватных основ.

Книга жизни написана пульсом, дыханием, кожей

И подкожным теплом. По сюжету ты – главный герой.

...А однажды весной лангольеры теряются в прошлом.

Просыпаешься ночью, глядишь в потолок натяжной —

Мир огромный, звенящий, овсяный, цветной, с головой,

Невозможный!

От заката

На Полáре сто семьдесят суток земных зима.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.